

арт
КЛАСИКА

ВАСИЛИЙ ЖУКОВСКИЙ

О ГАДАНИЯХ И МЕСТИ

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ

LIKE
BOOK

МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
Ж86

Художественное оформление *Р. Фахрутдинова*

Иллюстрации на переплете и внутри блока *Weisska*

Жуковский, Василий Андреевич.

Ж86 О гаданиях и мести : сборник произведений / Василий Жуковский. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-222098-2

Если ты робок, никогда не гадай, всматриваясь в зеркало при мерцании свечи. Если ты любишь всем сердцем, не отдавай свою любовь мертвецу в душе. Если ты хочешь спасти человека, подходи к этому искренне.

Высокие чувства, полет души и бесконечное вдохновение пронизывают все произведения Василия Жуковского. Всем нам когда-нибудь нужен друг, пусть его голос и ведет нас сквозь героические баллады и нежные стихотворения.

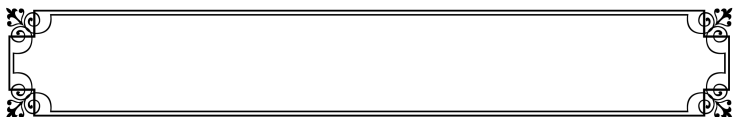
УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-04-222098-2

© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

Стихотворения

МИР

Проснись, пифийского поэта древня лира,
Вещательница дел геройских, брани, мира!
Проснись — и новый звук от струн своих издай
И сладкою своей игрою нас пленяй —
Исполни дух святым восторгом!

Как лира дивная небесного Орфея,
Гремишь ли битвы ты — наперсники Арея
Берутся за мечи и взорами грозят;
Их бурные кони ярятся и кипят,
Крутя свои волнисты гривы.

Поешь ли тишину — гром Зевса потухает;
Орел, у ног его сидящий, засыпает,
Вздымая медленно пернатый свой хребет;
Ужасный Марс свой меч убийственный кладет
И кротость в сердце ощущает.

Проснись! и *мир* воспой блаженный, богатый;
Пусть он слетит с небес, как некий бог крылатый,
Вечнозеленою оливою махнет,
И грозну брань с лица вселенной изженет
И примирит земные роды!

Где он — там вечное веселье обитает,
Там человечество свободно процветает,
Питаюсь щедростью природы и богов;
Там звук не слышится невольничьих оков
И слезы горести не льются.

Там нивы жатвою покрыты золотою;
Там в селах царствует довольство с тишиною;
Спокойно грады там в поля бросают тень;
Там счастье навсегда свою воздвигло сень:
Оно лишь с *миром* сопряженно.

Там мирно старец дней закатом веселится,
Могилы на краю — неволи не страшится;
Ступя ногою в гроб — он смотрит со слезой,
Унылой, горестной, на путь скончанный свой
И жить еще — еще желает!

Там воин, лишь в полях сражаться приученный,
Смягчается — и меч, к убийству изощренный,
В отеческом дому под миртами кладет;
Блаженство тишины и дружбы познает,
Союз с природой обновляет.

Там Музы чистые, увенчанны оливой,
Веселым пением возносят дни счастливы;
Их лиры стройные согласнее звучат;
Они спокойствие, не страшну брань гласят,
Святую добродетель славят!

Слети, блаженный мир! — вселенная зовет —
Туда, где бранные знамена развевают;
Где мертв природы глас и где ее сыны

На персях матери сражаются, как львы;
Где братья братьев поражают.

О страх!.. Как яростно друг на друга стремятся
Кони в пыли, в поту свирепствуют, ярятся
И топчут всадников, поверженных во прах;
Оружия гремят, кровь льется на мечях,
И стоны к небесам восходят.

Тот сердца не имел, от камня тот родился,
Кто первый с бешенством на брата устремился...
Скажите, кто перун безумцу в руки дал
И жизни моя владыкою назвал,
Над коей я и сам не властен?

А слава?.. Нет! Ее злодей лишь в брани ищет;
Лишь он в стенаниях победны гимны слышит.
В кровавых грудах тел трофеи чести зрит;
Потомство извергу проклятие гласит,
И лавр его, поблекши, тлеет.

А твой всегда цветет, о Росс великосердый,
В пример земным родам судьбой превознесенный!
Но время удержать орлиный твой полет;
Колосс незыблем твой, он вечно не падет;
Чего ж еще желать осталось?

Ты славы путь протек Алкидовой стопою,
Полсвета покори могучею рукою;
Тебе возможно все, ни в чем препоны нет:
Но стой, Росс! опочий — *се новый век* грядет!
Он мирт, не лавр тебе приносит.

Возьми сей мирт, возьми и снова будь героем, —
Героем в тишине, не в кроволитном бое.

Будь мира гражданин, венец лавровый свой
Омой сердечною, чувствительной слезой,
Тобою падшим посвященной!..

Брось палицу свою и щит неодолимый,
Преобрази во плуг свой меч несокрушимый;
Пусть роет он поля отчизны твоя;
Прямая слава в ней, лишь в ней ищи ея;
Лишь в ней ее обрести ты можешь.

На персях тишины, в спокойствии блаженном,
Цвети, с народами земными примиренной!
Цвети, великий Росс! — лишь злобу поражай,
Лишь страсти буйные, строптивы побеждай
И будь во брани только с ними.

ЭЛЕГИЯ

Вечерний колокол печально раздастся,
Бледнеющего дня последний час бьет,
Шумящие стада долины оставляют;
Усталый земледел задумчиво идет
В шалаш спокойный свой. — В объятиях природы,
Под кровом тишины здесь буду я мечтать.
В туманном сумраке таятся горы, воды;
Все тихо — лишь в траве кузнечики стучат,
Лишь слышится вдали пастуший рог унылой;
На древней башне сей, плющом и мхом покрытой,
Пустынныя совы я дикий слышу вой, —
Она стон жалобный к луне возносит свой
На странников ночных, которы возмущают
Ее безмолвного жилища мертвый сон,
И тайную ее обитель посещают!..
Здесь, где молчание воздвигло черный трон,
Где ивы дряхлые, рукою лет согбенны,
Из ветвей лиственных сплетают кров священный,

Где вязы древние, развесисты шумят,
Бросая мрачну тень на мирные могилы;
Здесь праотцы села, в безмолвии унылом,
Почивши навсегда глубоким сном, лежат.
Дыханье свежее рождающего дня,
Ни крики ласточки, в гнезде своем сидящей,
Ни голос петуха, ни стон рогов дрожащий,
Ничто не воззовет от тяжкого их сна!
Пылающий огонь, в горнилах извиваясь,
Их в зимни вечера не будет согревать,
Не будут более сынов своих лобзать,
От тягостных трудов в шалаш свой возвращаясь...
Как часто их рука сверкающей косой
Ссекала тонкий клас на ниве золотой!
Как часто острый плуг, их мышцей напряженный,
Взрывал с усилием упорные поля,
Как часто крепкие, корнистые древа
Валилися, под их секирой сокрушенны!

Пускай сын роскоши, богатством возгордясь,
Над скромной нищетой кичливо возносясь,
Труды полезные и сан их презирает,
С улыбкой хладныя надменности вникает
Таящимся во тьме, незвучным их делам:
Часа ужасного нельзя избегнуть нам!
На всех ярится смерть — любимца громкой славы!
Вельможу-Кесаря, дающего уставы,
Всех ищет грозная и некогда найдет!
Путь славы и честей ко гробу нас ведет...
Слепого счастья наперсники надменны,
Не смейте спящих здесь безумно укорять
За то, что кости их в забвении лежат,
Что в сей обители, их теням посвященной,
Где в тихом пении, святом, благоговейном
Несется к небесам молений глас святых —

Нет гордых мраморов над скромной перстью их!
Зачем над мертвыми, истлевшими костями
Гробницы возносить, надгробия писать?
Души в холодный прах нам вечно не призвать!
И гимны почестей, гремящи над гробами,
Немого тления не властны оживить!
Неумолиму смерть хвала не обольстит!
Ах, может быть, под сей могилую таится
Праха сердца нежного, умевшего любить,
И кровожадный червь в сухой главе гнездится
Рожденной быть с венцом и мыслями парить
Иль восхищаться лир гармонией чудесной!
Науки светлые, питомицы веков,
Не озарили их светильником небесным!
Согбенны тягостью невольничьих оков,
В заветной нищете они свой век влачили,
И дар сердец своих безумно истощили...
Как часто редкий перл таится в мраке волн!
Как часто лилия в пустыне расцветает
Не зримая никем, безвестно увядает!
Там, может быть, лежит неведомый Мильтон,
И в узах гробовых безмолвствуя, хладеет;
Там, может быть, Кромвель неукротимый тлеет,
Что кровью сограждан еще не обгалял
Полей отеческих, и власти не искал!
Сенатом управлять державною рукою,
Сражаться с вихрем бед и грозною судьбою,
Обилье, счастье на смертных проливать,
В слезах признательных дела свои читать —
Сего их рок лишил своим определеньем!
Но если путь добра для них он сократил,
То много скрыл от них путей ко преступлениям;
Он им стезей убийств стремиться запретил
К престолом, пышностью и славой окруженным.
Простые их сердца умели сострадать

Несчастливым, жертвам зол, судьбою осужденным;
Ланиты их могли стыдливостью пылать!
И страсти буйные в их кушах безмятежных
Не смели возмущать невинности святой;
Ни слава, ни вина безвестный жребий свой,
Не зная ни счастья, ни бед ожесточенных,
Без страха и надежд в долине жизни сей
Они спокойно шли тропинкою своей...
В сем месте, где их персть лежит уединенно,
Простою резьбою, не златом украшенной,
Воздвигнут монумент спокойным теням их;
Здесь трудным шествием прохожий утомленной
Воссядет и почтит слезою память их —
Нет пышной надписи над скромною могилой!
Чистосердечие на ней рукой нельстивой
Их лета, имена потщилось начертать,
Евангельску мораль вокруг изобразило,
В которой мы должны учиться умирать!
Сыны безмолвия, почийте мирным сном!

Ваш подвиг совершен! — во мраке гробовом
Угрюмая судьба на вас не ополчится!
Нам всем один предел, но в землю всем сокрыться!
И мой ударит час последний, роковой,
И я, как юный цвет, увядший в летний зной,
Как нежный гибкий мирт, грозою низложенный,
Поблекну! — наша жизнь лишь быстрый сон
мгновенный!

Но кто с сей жизнью без горя разлучался!
Кто прах свой, по себе, забвенью оставлял?
Без сожаления с сим миром расставался,
И взора горького назад не обращал?
Ах, сердце нежное, природу покидая,
Надеется друзьям оставить пламень свой!
И взоры тусклые, навеки угасая,

Хотят взглянуть на них с последнею слезой!
Для них глас нежности в могиле нашей слышен;
Для них наш мертвый прах и в самом гробе дышит!
Здесь буду я сокрыт! — сюда любимец мой
Придет с задумчивой, унылою тоской,
И оросит мой гроб сердечными слезами, —
Когда ж судьбу мою захочет он узнать,
Седой поселянин, согбенный под летами,
Вспомнит обо мне и будет отвечать:
«Он часто на заре, в долине мне встречался,
Когда, проснувшись с днем, спешил на холм взойти,
Чтоб солнце в утреннем сиянье обрести...
Там в роще иногда в унынии скитался,
Свои страдания природе поверял,
И взором горестным свой жребий укорял;
Здесь часто, в мрачное безмолвье погруженной,
Стоял над тихою спокойною рекой,
Которая в кустах течет уединенно;
Тут иногда сидел вечернею порой,
Небрежно голову на руки наклонивши,
И взоры томные в источник устремивши,
Который в тростнике виется и журчит;
Он часто слезы лил, как будто странник бедный,
Отчизны милья, друзей, всего лишенный,
Которого и жизнь несчастью тяготит...
Он сохнул и увял; напрасно я в долине,
На холме у ручья несчастного искал!
Увы! нигде его уж больше не встречал!..
Все стало без него печальною пустыней!..
Наутро колокол надгробный зазвучал,
И стоном медленным, казалось, мне сказал:
Он кончил трудный путь, путь зол и испытаний!
Здесь, в сей юдоли тьмы, сокрытой от страданий,
Спит непробудным сном безмолвный прах его,
Прочти надгробие любимца своего!»

ЭПИТАФИЯ

Здесь бедный юноша сокрыт в земле сырой!
Не зная, что счастье? он век окончил свой!
Как странник, в мире сем печально он скитался!
Без утешения с природой он расстался!
Он был душою добр, он сердцем нежен был;
Несчастных, злобою и роком угнетенных
Дарил последним он — слезою сожаленья;
В награду от небес он друга получил!

Прохожий! наша жизнь как молния летит!
Родись! — Страдай! — Умри! — вот все, что рок велит!

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Элегия

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмутившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.